

Научная статья
УДК 821.161.1
DOI: 10.20323/2499_9679_2023_3_34_27
EDN: ZNRGYD

Таинственное в романтической эпике Федора Глинки

Валерия Александровна Галанова

Аспирант кафедры русской литературы, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского. 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1
galanova712@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6292-2903>

Аннотация. В статье рассматривается мотив таинственного, концепт «тайна» в романтических поэмах поэта XIX века Федора Николаевича Глинки. Тайна занимала важное место в творчестве русских и европейских поэтов-романтиков. Немецкий поэт-романтик Людвиг Уланд еще в начале XIX века в статье «О романтическом» определяет бесконечное стремление человека постигнуть нечто сокровенное, возвышенное. Профессор М. М. Смирнов выделил ключевые детали, являющиеся отличительными признаками романтической тайны. В первую очередь исследователь отмечает сильное чувство таинственного, ставшее одним из главных отличий романтиков от большинства их предшественников. Мотив тайны в романтических произведениях нередко оказывается одним из ключевых мотивов. Само восприятие, понимание тайны в поэмах достигается при помощи откровений, видений, пророчеств, получаемых героем поэмы. Романтическую тайну отличает необычный герой или необычные обстоятельства. Ключевое внимание уделяется поэмам Федора Глинки «Дева карельских лесов», «Карелия, или заточение Марфы Иоанновны Романовой» и «Таинственная капля». Поэма «Дева карельских лесов», написанная в 1828 году, повествует о герое, столкнувшемся с таинственной природой Русского Севера и загадочными местными жителями. В поэме «Карелия, или заточение Марфы Иоанновны Романовой», созданной в 1830 году, речь также идет о природе карельского края. Главная героиня поэмы, оказавшись в ссылке, знакомится с местной природой и обычаями и в итоге возвращается из ссылки. Поэму высоко оценил Александр Сергеевич Пушкин в своей рецензии. В поэме «Таинственная капля», опубликованной в 1871 году, сюжетом становится апокрифическое сказание о Благоразумном разбойнике, сумевшем найти путь к спасению души.

Ключевые слова: таинственное; тайна; Ф. Глинка; романтизм; поэма; романтическая поэма; романтическая тайна

Для цитирования: Галанова В. А. Таинственное в романтической эпике Федора Глинки // Верхневолжский филологический вестник. 2023. № 3 (34). С. 27–33. http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_3_34_27. <https://elibrary.ru/ZNRGYD>

Original article

The mysterious in Fyodor Glinka's romantic epic

Valeriya A. Galanova

Postgraduate student at the department of russian literature, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky. 150000, Yaroslavl, Republikanskaya st., 108/1
galanova712@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6292-2903>

Abstract. The article considers the motif of the mysterious and the concept «mystery» in romantic poems of the XIX century poet Fyodor Nikolayevich Glinka. Mystery occupied an important place in the work of Russian and European Romantic poets. In his early 19th century article «On the Romantic», the German Romantic poet Ludwig Uhland defined the infinite human desire to comprehend something intimate and sublime. Professor M. M. Smirnov identifies the key details that are the distinguishing features of a romantic mystery. First of all, the researcher notes the strong sense of the mysterious, which became one of the main differences between the Romantics and most of their predecessors. The motif of mystery in Romantic works is often one of the key motifs. The very perception, understanding of the mystery in the poems is achieved through revelations, visions and prophecies received by the hero of the poem. The romantic mystery is distinguished by an unusual hero or unusual circumstances. Particular attention is paid to Fyodor Glinka's poems «The Maiden of the Karelian Forests», «Karelia, or the Imprisonment of Marfa

Ioannovna Romanova» and «The Mysterious Drop». The poem «The Maiden of the Karelian Forests», written in 1828, tells the story of the hero confronted with the mysterious nature of the Russian North and the enigmatic locals. The poem «Karelia, or the Imprisonment of Marfa Ioannovna Romanova», written in 1830, also speaks about the nature of the Karelian region. The poem's protagonist, being in the exile, learns about local nature and customs and eventually returns from her exile. The poem was highly appreciated by Alexander Sergeevich Pushkin in his review. In the poem The Mysterious Drop, published in 1871, the plot is the apocryphal tale of the Prudent Robber who managed to find the way to salvation of his soul.

Key words: the mysterious; mystery; F. Glinka; romanticism; poem; romantic poem; romantic mystery

For citation: Galanova V. A. The mysterious in Fyodor Glinka's romantic epic. *Verhnevolzhski philological bulletin*. 2023;(3):27–33. (In Russ.). http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_3_34_27. <https://elibrary.ru/ZNRGYD>

Роль таинственного и тайны в русской и зарубежной литературе

Таинственное, тайна занимали важное место в поэтике романтизма начала XIX века (вразрез с апологией рационализма в поэтике классицизма). Например, в работе Людвиг Уланда, одного из крупнейших немецких поэтов-романтиков, автор подчеркивает, что бесконечное окружает человека, тайну божества и мир. В своей статье «О романтическом» 1807 г. он отмечает: «От человека скрыто, чем он был, есть и будет. Очаровательны и ужасны эти тайны. Лучишие силы души тянутся с бесконечной тоской в бесконечную даль. Это мистическое проявление нашего глубочайшего духа в образе, это вторжение мирового духа, очеловечение божественного: предчувствие бесконечного в видимом и воображаемом и есть романтическое» [Цит. по: Смирнов, 2001, с. 161].

Профессор Московского университета А. А. Смирнов посвятил этой важной теме свою статью «Принцип романтической тайны в лирике Пушкина и Прешерна» (к юбилею великого русского и словенского поэтов) [Смирнов, 2001, с. 88]. Он подчеркивает, что существует сфера жизни, особым, таинственным образом связывающая поэтов и поэзию с общими началами Бытия. Лирический субъект приобщается к ценностным сторонам романтического идеала благодаря таинственности места действия. Исключительно развитое чувство таинственного стало важнейшим отличием романтиков от большинства их предшественников, прежде всего, конечно, классицистов. Ученый выделяет два истока романтической тайны: природный и душевный. Ценность душевного состояния, переживающего столкновение с романтической тайной, А. А. Смирнов называет непередаваемой, неизъяснимой, высшей по многим параметрам.

Еще в одной статье А. А. Смирнова «Поэтизация легенды в романтической лирике А. С. Пушкина» говорится о том, что главной формой поэтизации легенды в романтическом

сознании XIX века становился принцип тайного, чудесного превращения, лежащего в основе исторического факта. Эстетике таинственного, чудесного романтики придали конструктивно мировоззренческий статус, отказавшись от принципа эпической дистанции, с помощью которого классицисты утверждают прошлое как предмет эпопеи. При этом эпопею А. Смирнов называет самым высшим из всех словесным искусством [Смирнов, 1999, с. 25].

В творчестве романтиков одним из ведущих мотивов зачастую оказывается мотив тайны, который можно назвать «тайнознание», что означает уровень непостижимого, невыразимого, сверхчувственного. Понимание тайны там достигается особым путём. В поэмах это откровение, видение или пророчество – то есть такое состояние, которого трудно достичь в обыкновенной жизни. Донести его до остальных способны только избранные, те, кто, согласно поверьям, наделён особенным даром. Отличается романтическая тайна тем, что её сопровождают особенная ситуация и особенные герои. Если же герой будет не особенным, а обычным, то необычными вокруг него будут обстоятельства. Но и награда для героя, сумевшего преодолеть преграды, полагается достойная. Именно прошедший этот путь оказывается избранным, пророком, способным увидеть недоступное обычному взору.

Роль тайны в «карельских» поэмах Федора Глинки «Дева карельских лесов» и «Карелия, или заточение Марфы Иоанновны Романовой»

В русской поэме 1828 г. Федора Глинки «Дева карельских лесов» романтическая тайна занимает ключевое место [Глинка, 1939, с. 101]. Основой сюжета становится история о том, как офицер прибывает в карельский край, где знакомится с девушкой и ее отцом-отшельником. При этом имя героини не раскрывается, также представляя своеобразную тайну. В поэме Ф. Глинки «Дева карельских лесов», как и в поэме Е. Баратынского «Эда» [Баратынский, 1979, с. 24], присутствует

образ незнакомого гостя. В отличие от «Эды», поэма Глинки следует скорее пушкинским сюжетам модели «Евгения Онегина» – герой не соблазняет девушку (ее отец – отшельник, место действия – таинственные леса и скалы Карелии). Тайны природы, их эпический колорит Глинка выдвигает на первый план вместе с таинственными природными чертами образа героини.

Тайна поэмы Федора Глинки романтически-глобальна и монументальна. Многократно повторенное слово «тайна» отображает эсхатологические, апокалиптические мотивы, значение которых играло немаловажную роль в христианстве. Рассказывая о судьбе отшельника – жителя Карельского края, Глинка его устами рассказывает историю от сотворения мира до конца света, свидетелем которого становится сама природа.

Еще одна поэма, посвященная карельскому краю, «Карелия, или заточение Марфы Иоанновны Романовой» увидела свет в 1830 году. Поэма «Карелия или заточение Марфы Иоанновны Романовой» привлекла внимание Пушкина, и через некоторое время он пишет положительную рецензию на поэму Федора Глинки. Действие поэмы происходит в Смутное время. Главная героиня поэмы, Марфа Иоанновна Романова, попадает в ссылку в карельский край, и там благодаря встрече с монахом, находит духовную силу и утешение. Сам концепт «тайна» у Пушкина и Глинки имеет ключевое значение. Имеет сходство и образ таинственного старца в творчестве Пушкина и Глинки. У Пушкина это финский старец в поэме «Руслан и Людмила», у Глинки – отшельник в поэме «Дева Карельских лесов» и «Карелия, или заточение Марфы Иоанновны Романовой», при этом если у Пушкина старец условно-сказочный, то у Глинки – христианский, на фоне реальной сказочной природы.

В 1830 году Александр Пушкин, близко знакомый с Ф. Глинкой, пишет рецензию на данное произведение «Описательное стихотворение в четырёх частях Фёдора Глинки», которая была опубликована в «Литературной газете». Н. К. Замков в своей работе «Пушкин и Глинка» уточняет, что первоначально рецензия была анонимной, и только в 1910-е годы Л. М. Гофман сумел установить её автора [Замков, 1917, с. 78]. Ю. Г. Оксман в комментариях к поэме уточняет, что первоначально вариантом начала рецензии на «Карелию» является набросок «Москва была освобождена...», содержащий краткий пересказ поэмы и исторической основы, послужившей материалом для произведения [Оксман, 1936, с. 325].

В начале рецензии Пушкин называет Фёдора Глинку, как и Евгения Баратынского, оригинальным поэтом. При этом Пушкин уточняет, что из всех русских поэтов Фёдор Глинка «*может быть, самый оригинальный*» [Пушкин, 1977, с. 461]. Описывая творчество Глинки, поэт отмечает его характерные особенности и узнаваемый стиль. Отличительными чертами названы «*небрежность рифм и слога*», яркость и оригинальность оборотов, простота, сочетаемая с изысканностью, теплота чувств, однообразие мыслей и при этом свежесть живописи. В качестве доказательства публикуются отрывки из поэмы «Карелия», в которой «*как в зеркале, видны достоинства и недостатки нашего поэта*» [Пушкин, 1977, с. 462]. В рецензиях Пушкина на творчество Евгения Баратынского и Фёдора Глинки сделан акцент на слове «оригинальный». «*Баратынский принадлежит к числу отличных наших поэтов. Он у нас оригинален, ибо мыслит. Он был бы оригинален и везде, ибо мыслит по-своему, правильно и независимо, между тем как чувствует сильно и глубоко*» [Пушкин, 1961, с. 108], – пишет Пушкин в отрывке «Баратынский».

Различается и отношение поэтов к природе, Карельскому краю. У Баратынского грозный край – фон, на котором происходит действие. Он описывает его следующими словами: «Суровый край, его красам, / Пугаясь, дивятся взоры; / На горы каменные там / Поверглись каменные горы; / Синяя, всходят до небес // Их своенравные громады; / На них шумит сосновый лес; / С них бурно льются водопады» [Баратынский, 1982, с. 156]. Здесь явно звучит тема начал, чистых истоков. При этом пейзажи Баратынского не столько органичны, сколько несут угрозу (она, по сути, реализована в сюжете «Эды»). У Глинки же Карелия живая, её природа не декорация, а такой же герой повествования: «Пуста в Кареле сторона, / Безмолвны Севера поляны, / В тиши ночной, как великаны, / Восстав озёр своих со дна, / В выси рисуются обломки – / Чуть уцелевшие потомки / Былых, первоначальных гор» [Глинка, 1986, с. 15]. В этом тоже заключается различие восприятия Глинки и Баратынского. Для Глинки природа Карельского края становится своей и родной, для Баратынского остаётся пугающей.

Пушкин в своей рецензии «Описательное стихотворение в четырёх частях» на поэму Фёдора Глинки «Карелия, или заточение Марфы Иоанновны Романовой» называет Федора Глинку одним из самых оригинальных поэтов. Если во фрагментах рецензий на творчество Баратынского

го шла речь об отношении критиков к поэме «Эда», то в данной рецензии критические работы не упоминаются вовсе. В данной работе автор рецензии сам отказывается от критического разбора, вместо него демонстрируя несколько отрывков из поэмы. Значительно отличаются отрывки, представленные в рецензии в качестве примера. В рецензии на поэму Евгения Баратынского Пушкин приводит два небольших отрывка в качестве примера. В рецензии на поэму Фёдора Глинки тоже представлены два отрывка, но их объём занимает почти две страницы. В данных отрывках идёт речь о впечатлениях, произведённых природой Карельского края, и её различных состояниях в течение года. Начинается отрывок описанием прибытия в Карельский край, с помощью которого Пушкин знакомит читателей с Карелией Глинки. Приведённый отрывок сопровождается пояснением Пушкина. В скобках поэт уточняет, что в данном фрагменте монах рассказывает о своём прибытии в Карелию. В качестве примера приводит отрывок, начинающийся с рассказа о пожаре. С самого начала произведения читатель знакомится с обликом Карелии. В начале рецензии читатель узнаёт о том, что речь пойдет о северном, холодном крае. Затем речь идёт о «диком» крае, который предстаёт в разные времена года суровым и прекрасным. От описания Карелии лирический герой переходит к описанию местных жителей и особенностей их языка. Затем Карелия описывается не только суровой, но и «музыкальной», лирический герой восхищается голосом птиц, леса, ручьёв. Завершает отрывок описание могучего водопада Кивач. Впервые этот водопад был воспет Державиным в одноимённом стихотворении. Вслед за Державиным Фёдор Глинка восхищается его силой и могуществом. Во втором отрывке Пушкин повествует о мифической стране духов. Завершается отрывок описанием чудесной страны и сравнением её с суетным светом. Методом отрицания лирический герой перечисляет пороки и недостатки, которых нет в Карельском крае. На этом Пушкин завершает рецензию, никак не комментируя последний фрагмент, оставляя за читателем право самому сделать выводы о творчестве Фёдора Глинки.

Выше уже говорилось об интересе Пушкина к Глинке и его поэмам, о том, что позднее творчество Пушкина было связано с личными историческими и христианскими исканиями поэта, а такие как раз и характерны для поэмы Глинки. Но важно сказать ещё об одном сходстве, сближении

Пушкина и Глинки – автора эпических поэмы о Русском Севере. Речь идёт о тяге обоих русских поэтов к тематике и мотивам Истоков, понимаемых как исторические христианские, а также и природно-первородные. С точки зрения эпико-романтической традиции – самый благодатный материал: это подметил ещё Ломоносов («Ода, выбранная из Иова») и развил Глинка (поэма «Иов»). Ломоносову, как и Глинке-романтику, были не просто близки и понятны, но и дороги и исторические, и народно-романтические черты, присущие Северу, своего рода потенциал Русского Севера. Данный потенциал все названные авторы опозитивировали в жанрах эпических.

Таинственное в поэме Фёдора Глинки «Таинственная капля»

Поэма «Таинственная капля» написана Фёдором Глинкой в 1859 году и вышла в свет в 1871 году. Произведение основано на предании о двух разбойниках, распятых возле Христа, Дисмаса и Гестаса. Гестас, прозванный Безумным разбойником, так и не отрёкся от греховной жизни, в отличие от Дисмаса, который покаялся и получил прощение и был прозван Благоразумным разбойником. Сюжет раскрывает апокрифическое сказание о том, как Пресвятая Мария своим грудным молоком вернула к жизни младенца, умиравшего в семье разбойника, который захватил Святое Семейство на пути в Египет. Именно народные духовные традиции, сочетающие религиозную тему и фольклор, стали основой произведения.

Концепт «тайна» по-разному отмечался читателями и критиками. Некоторые из них обращали внимание на атмосферу таинственности, созданную на вечерах во время публичного чтения поэмы женой писателя. Критик М. А. Дмитриев обращает внимание на одно из употреблений понятия «таинственный», в связи с которым подозревает Глинку в неправославных взглядах. Поводом для подозрений стали строчки: «*Таинственно-зачатая от Бога, / Таинственно зачавшая Его*». В своём замечании Дмитриев отмечает: «*на стран. 15. Глинка верует в conception immaculé*» (в безмужнее зачатие самой Богородицы, ставшее догматом в католическом мировоззрении уже в XX веке) [Глинка, 1986]. Возможно, указание на подозрительность этого выражения стала поводом для исправлений в издании 1871 года. В итоге стих звучал следующим образом: «*Сама быв дар родителям от Бога, / Таинственно-зачавшая Его...*» В этом случае очевидно, что Глинка ясно отделял таинственность от двусмысленности и не

желал, чтобы появились сомнения в его вере или упреки в слишком вольном истолковании священного текста [Цит. По: Коровин, 2009, с. 179].

Говоря о понятии «тайна», можно отметить, что само название поэмы даёт представление о том, что читателю предстоит разгадать некую тайну, понять, что представляет собой капля и почему она названа таинственной. Словосочетание «**таинственная капля**» встречается в начале и в конце произведения. В середине поэмы о ней неоднократно упоминали различные пророки, повествуя о том, что Спаситель откроет с её помощью потерянный Рай.

В начале поэмы автор пересказывает палестинскую легенду о том, как Богородица спасла в пустыне ребёнка разбойника, напоив молоком. Таинственной каплей в этом случае названа капля молока, даровавшая жизнь. Оба ключевых персонажа, Иисус и разбойник, являются романтическими героями, и при этом окружены ореолом таинственности и наделены противоположными качествами. Если Иисус оказывает помощь ближнему, то разбойник причиняет страдания. Иными словами, деятельность одного направлена на созидание, а деятельность другого – на разрушения. Но в финале судьбы обоих вновь пересеклись, и под конец жизни преступник нашёл в себе силы не только раскаяться, но и поверить в могущество Сына Божьего. В итоге разбойник стал первым из людей, вошедших во вновь обретённый Рай. Он же стал свидетелем силы таинственной капли. Он обрёл таинственную каплю в самом начале своего жизненного пути, будучи спасённым молоком Богородицы. Впитав эту каплю в младенчестве, разбойник, свернув с праведного пути, всё же сумел под конец жизни вернуться к свету, став свидетелем новой силы **таинственной** капли – капли крови распятого Христа, открывшей Рай, ранее недоступный людям.

Ключевое значение имеет и время действия. Время суток, во время которого происходит часть действия, – ночь. Святое Семейство совершило бегство в пустыню, чтобы избежать бесчинства Ирода, и в это время встретилось с разбойниками. Ночь является таинственным, загадочным временем, поскольку, во-первых, темнота всегда символизирует неизвестность, страх перед которой является одним из самых сильных. Во-вторых, ночь является тем временем суток, которое не удаётся застать полностью. Это – время сна, во время которого приходят таинственные сновидения. Это – время действия преступников и злых сил, для которых свет дня является губительным. Наконец,

это – время конца одного дня и одновременно – начало другого.

Тайна любви представляет в поэме одно из главных мест. Не случайно эта тайна становилась основой многих литературных произведений. Многочисленные эпизоды из Библии дают этому подтверждение. Именно любовь даёт начало жизни на Земле. Любовь праведников к Богу даёт возможность спастись целым народам и открыть неизведанное. Любовь человека к ближнему дарит жизнь, способствует бесценным жертвам и правильному выбору. Родительская любовь позволяет не терять семейной связи и вернуться даже тем, кто свернул с пути. Любовь и сострадание Богородицы помогли спасти даже того, кто сознательно всю свою жизнь стремился жить за гранью человеческих законов. В конце концов, любовь Иисуса Христа к людям возрождает потерянный Рай не только на небе, но и в душе каждого. В финале поэмы открывается значение таинственной капли – это последняя капля крови, снятая копьём римского легионера с груди распятого Христа. Она стала яркой звездой, открывшей людям Рай. Первым из людей, ступивших в Рай после смерти, стал Благоразумный разбойник, раскаявшийся, будучи распятым на Голгофе. В данном случае романтический образ разбойника, любимый многими поэтами и писателями, получает новое осмысление. Спасённый в детстве, он свернул с пути, но сумел в конце жизни возвратиться к вере.

Образ тайны находил отражение и в большом количестве литературных и народных сказок. Стремление героев разгадать загадку, найти ответ становилось в основе сюжета. Ради разгадки тайны герою приходилось пройти тяжёлые испытания. В ряде народных сказок слово «тайна» находится в заглавии сказки, и читатель сразу понимает, что речь пойдёт о чём-то сокровенном, что предстоит разгадать. Известны, к примеру, индийская сказка «Заветная тайна», азербайджанская сказка «Тайна дружбы», итальянская сказка «Тайна Флорио», японская сказка «Тайна» и австрийская сказка «Таинственное подземелье». Во всех случаях герои сталкиваются с загробным миром, потусторонним или миром неживых. Благодаря своим качествам они открывают тайну и сталкиваются с запретным, сокровенным. Подобный мотив наблюдается и в произведении «Таинственная капля». Именно там герой сталкивается с запретным и неизведанным, часто совершает ошибки, но благодаря таинственной капле обретает защиту и перед смертью приходит к спасению.

Тайна сновидений и предсказаний проявляется в различных эпизодах поэмы. В тексте поэмы неоднократно упоминаются пророчества, обещающие спасение для каждого человека. Адам и Ева после изгнания слышат пророчество, обещающее пришествие Спасителя и возвращение Рая. Они стали одними из немногих узревших Эдем, для прочих же людей Рай представлял тайну. Святое Семейство, узнав благую весть, слышит о будущем предназначении сына Марии. Многочисленные пророки слышат Глас Господень и стремятся донести людям истину, то есть тоже раскрывают тайну. Мотив тайны в поэме Глинки выступает сюжетобразующим, концептуальным в образной структуре произведения. Тем самым подтверждается романтическая природа поэмы, её художественной поэтики, при том что библейская художественная образность остаётся ведущей. Как было сказано ранее, тайна любви в итоге остаётся наиболее важной для автора. Именно её он пытается разгадать на протяжении всей поэмы, и в итоге находит свой ответ. Мотив любви, понимаемой как библейски религиозное чувство, всё же подключается к романтической специфике поэмы Глинки, как, впрочем, и ведущий мотив тайны. Всё это определяет художественное своеобразие и художественное новаторство поэмы Глинки «Таинственная капля». Впрочем, значительное художественное новаторство присуще всем поэмам этого автора, о чём уже говорилось выше.

В поэме «Таинственная капля» автором в полной мере раскрываются пять составляющих романтического концепта тайна. Тайна ночи, мотив которой неоднократно встречался в различных романтических произведениях, фигурирует в различных эпизодах произведения, где в ночное время свершаются чудеса и те события, которые станут переломными в данном произведении. Тайну любви представляет любовь Иисуса Христа ко всему человечеству, которая является спасительной для целого мира. Тайна сновидений, предсказаний и тайна библейской мудрости реализуется в речи различных персонажей, пророков, которые повествуют о пришествии Спасителя. Наконец, тайна творчества составляет основу романтических произведений, где сам поэт предстаёт избранным носителем дара, полученного свыше, и божественной тайны, которую он обязан донести до людей. Само произведение является ключом к высшей тайне.

Библиографический список

1. Базанов В. Г. Карельские поэмы Фёдора Глинки. Петрозаводск : Гос. изд-во Карело-Финской ССР, 1945. 128 с.
2. Базанов В. Г. Глинка Ф. Н. Избранное. Петрозаводск : Гос. изд-во Карело-Финской ССР, 1949. 449 с.
3. Базанов В. Г. Ученая республика. Москва–Ленинград : Учпедгиз, 1964. 446 с.
4. Баратынский Е. А. Стихотворения. Поэмы / под ред. Н. В. Фризмана. Москва : Наука. 1982. 720 с.
5. Глинка Ф. Н. Дева карельских лесов. Повесть в стихах / Сочинения. ред. В. Базанов. Петрозаводск : «Каргосиздат», 1939. 97 с.
6. Глинка Ф. Н. Сочинения. Петрозаводск : «Каргосиздат», 1939. 428 с.
7. Глинка Ф. Г. Сочинения. Москва : «Советская Россия», 1986. 342 с.
8. Глинка Ф. Н. Таинственная капля. Народное предание: в 2 ч. Москва : Изд. В тип. М. П. Погодина, 1871. Ч. 1–2. 698 с.
9. Де Сталь Жермена. О Германии: о поэзии классической и романтической // Литературные манифесты западноевропейских романтиков / под ред. А. С. Дмитриева. Москва : Изд-во МГУ, 1980. С. 383–391.
10. Замятов Н. К. Пушкин и Ф. Н. Глинка // Пушкин и его современники: материалы и исследования / Комис. для изд. Соч. Пушкина при Отд-нии рус. яз. И словесности Рос. Акад. Наук, 1918. Вып. 29/30. Пг., 1917. С. 78–97.
11. Коровин В. Л. «Замечания педанта»: Поэма Ф. Н. Глинки «Таинственная капля» и её читатель М. А. Дмитриев // Новое литературное обозрение. 2009. №3 (97). С. 178–203.
12. Лотман Ю. М. Анализ поэтического текста: Структура стиха. О поэтах и поэзии. Санкт-Петербург : Искусство-СПб, 1996. 846 с.
13. Манн Ю. В. Русская литература XIX в. Эпоха романтизма. Москва : Изд. РГГУ, 2007. С. 177–180.
14. Назарьян Р. Г. Ф. Н. Глинка // Русские писатели XI – начала XX века // Библиографический словарь / под редакцией Н. Н. Скатова. Москва : «Просвещение», 1995. С. 142–144.
15. Никитенко А. В. Дневник : в 3 т. / под общ. ред. Н. Л. Бродского. Москва : Госполитиздат, 1955. С. 4.
16. Новейший философский словарь / сост. и гл. науч. ред. А. А. Грицанов. Минск : Книжный Дом, 2003. 1280 с.
17. Оксман Ю. Г. Неизвестные приложения к письму Ф. Н. Глинки Пушкину от 28 июля 1831 г. // Временник Пушкинской комиссии. Выпуск 2. Ленинград : Изд-во АН СССР, 1936. С. 325–334.
18. Петровский М. Л. Проблемы поэтики. Ленинград, 1925. 286 с.
19. Письма М. А. Дмитриева А. П. и Ф. Н. Глинкам. Москва : Русский архив, 1912. № 3. С. 423–434.
20. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 17 т. Т. 11. Москва : Воскресенье, 1996. 595 с.

21. Смирнов А. А. Принцип романтической тайны в лирике Пушкина и Прешерна // Ф. Прешерн – А. С. Пушкин (к 200-летию их рождения). Ljubljana : Filozofska fakulteta, 2001. С. 87–98.

22. Смирнов А. А. Поэтизация легенды в романтической лирике А. С. Пушкина // Вестник Московского университета. Серия 9, Филология. 1999. № 3. С. 24–33.

23. Томашевский Б. В. Теория литературы: Поэтика. Москва–Ленинград : Госиздат, 1925. 320 с.

24. Томашевский Б. В. Пушкин. Москва; Ленинград : Изд-во Академии наук СССР, 1956. 743 с.

25. Уланд Л. О романтическом // Литературные манифесты западноевропейских романтиков / сост. А. С. Дмитриев. Новосибирск : Изд-во МГУ, 1980. С. 159–162.

26. Gifford Henry. The Novel in Russia: From Pushkin to Pasternak. London : Hutchinson Univ. Library, 1964. 208 p.

Reference list

1. Bazanov V. G. Karelskie pojemy Fjodora Glinki = Fyodor Glinka's Karelian poems. Petrozavodsk : Gos. izd-vo Karelo-Finskoy SSR, 1945. 128 s.

2. Bazanov V. G. Glinka F. N. Izbrannoe = Glinka F.N. Selected works. Petrozavodsk : Gos. izd-vo Karelo-Finskoy SSR, 1949. 449 s.

3. Bazanov V. G. Uchenaja respublika = Learned republic. Moskva–Leningrad : Uchpedgiz, 1964. 446 s.

4. Baratynskij E. A. Stihotvorenija. Pojemy = Verses. Poems / pod red. N. V. Frizmana. Moskva : Nauka. 1982. 720 s.

5. Glinka F. N. Deva karel'skih lesov. Povest' v stihah = The Virgin of the Karelian Forests. Novella in verse / Sochinenija. Red. V. Bazanov. Petrozavodsk : «Kargosizdat», 1939. 97 s.

6. Glinka F. N. Sochinenija = Works. Petrozavodsk : «Kargosizdat», 1939. 428 s.

7. Glinka F. G. Sochinenija = Works. Moskva : «Sovetskaja Rossija», 1986. 342 s.

8. Glinka F. N. Tainstvennaja kaplja. Narodnoe predanie: v 2 ch. = The mysterious drop. Folk legend: in 2 parts. Moskva : Izd. V tip. M. P. Pogodina, 1871. Ch. 1–2. 698 s.

9. De Stal' Zhermena. O Germanii: o poezii klassicheskoj i romanticheskoj = About Germany: on classical and romantic poetry // Literaturnye manifesty zapadnoevropejskih romantikov / pod red. A. S. Dmitrieva. Moskva : Izd-vo MGU, 1980. S. 383–391.

10. Zamkov N. K. Pushkin i F. N. Glinka = Pushkin and F.N. Glinka // Pushkin i ego sovremenniki: materialy i issledovanija / Komis. Dlja izd. Soch. Pushkina pri Otd-nii rus. jaz. I slovesnosti Ros. Akad. Nauk, 1918. Vyp. 29/30. Pg., 1917. S. 78–97.

11. Korovin V. L. «Zamechanija pedanta»: Pojema F. N. Glinki «Tainstvennaja kaplja» i ejo chitatel' M. A. Dmitriev = «Remarks of a pedant»: F. N. Glinka's poem

«The Mysterious Drop» and its reader M. A. Dmitriev // Novoe literaturnoe obozrenie. 2009. №3 (97). С. 178–203.

12. Lotman Ju. M. Analiz pojeticheskogo teksta: Struktura stiha. O pojetah i poezii = Analyzing poetic text: The structure of verse. About poets and poetry. Sankt-Peterburg : Iskustvo-SPb, 1996. 846 s.

13. Mann Ju. V. Russkaja literatura XIX v. Jepoha romantizma = Russian literature of the XIX century. The Age of Romanticism. Moskva : Izd. RGGU, 2007. S. 177–180.

14. Nazar'jan R. G. F. N. Glinka = F. N. Glinka // Russkie pisateli XI – nachala HH veka // Bibliograficheskij slovar' / pod redakciej N. N. Skatova. Moskva : «Prosveshhenie», 1995. S. 142–144.

15. Nikitenko A. V. Dnevnik = Diary : v 3 t. / pod obshh. red. N. L. Brodskogo. Moskva : Gospolitizdat, 1955. S. 4.

16. Novejsnij filosofskij slovar' = The Newest Dictionary of Philosophy / sost. i gl. nauch. red. A. A. Gričanov. Minsk : Knizhnyj Dom, 2003. 1280 s.

17. Oksman Ju. G. Neizvestnye prilozhenija k pis'mu F. N. Glinki Pushkinu ot 28 ijulja 1831 g. = Unknown appendices to F. N. Glinka's letter to Pushkin of July 28, 1831 // Vremennik Pushkinskoj komissii. Vypusk 2. Leningrad : Izd-vo AN SSSR, 1936. S. 325–334.

18. Petrovskij M. L. Problemy pojetiki = Problems of poetics. Leningrad, 1925. 286 s.

19. Pis'ma M. A. Dmitrieva A. P. i F. N. Glinkam = M.A. Dmitriev's letters to A.P. and F.N. Glinkas. Moskva : Russkij arhiv, 1912. № 3. S. 423–434.

20. Pushkin A. S. Polnoe sobranie sochinenij = Complete works: V 17 t. T. 11. Moskva : Voskresen'e, 1996. 595 s.

21. Смирнов А. А. Princip romanticheskoi tajny v lirike Pushkina i Presherna = The principle of romantic mystery in Pushkin's and Preshern's lyrics // F. Preshern – A. S. Pushkin (k 200-letiju ih rozhdenija). Ljubljana : Filozofska fakulteta, 2001. S. 87–98.

22. Смирнов А. А. Pojetizacija legendy v romanticheskoi lirike A. S. Pushkina = Poetization of legend in A. S. Pushkin's romantic lyrics // Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 9, Filologija. 1999. № 3. S. 24–33.

23. Tomashevskij B. V. Teorija literatury: Pojetika = Theory of literature: Poetics. Moskva–Leningrad : Gosizdat, 1925. 320 s.

24. Tomashevskij B. V. Pushkin = Pushkin. Moskva; Leningrad : Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1956. 743 s.

25. Уланд Л. О романтическом = On the romantic // Literaturnye manifesty zapadnoevropejskih romantikov / sost. A. S. Dmitriev. Novosibirsk : Izd-vo MGU, 1980. S. 159–162.

26. Gifford Henry. The Novel in Russia: From Pushkin to Pasternak. London : Hutchinson Univ. Library, 1964. 208 p.

Статья поступила в редакцию 17.05.2023; одобрена после рецензирования 07.06.2023; принята к публикации 22.06.2023.

The article was submitted on 17.05.2023; approved after reviewing 07.06.2023; accepted for publication on 22.06.2023.